

8 (46)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВАПРЕЛЬ
2006в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

БУДЕМ ВНИМАТЬ СЛОВАМ РАДОСТИ!

Слово духовного попечителя Преображенского содружества
свщ. Георгия Кочеткова на Пасху 2006 года

Братья и сестры, христиане!

Наконец мы услышали радостную весть о том, что Христос воскрес, что Он снова обрел жизнь и силу. Мы услышали радостную весть о том, что Он с нами во все дни до скончания века. Ведь смысл Воскресения Христова в том и заключается, что мы можем удостоверить в этом соприкосновении с Иисусом и каждый из нас переживает это единство, это общение со Христом. Каждый из тех, кто имеет открытое сердце, тех, кто внимает словам Божьей правды и любви, свидетельствует о том, что Христос не умер, что Он и сейчас живет. Он — Глава Церкви, глава каждого из нас в нашей жизни. Ему дана всякая власть на небе и на земле. Мы радуемся этому и слышим сказанное Им слово: «Идите и сделайте учениками все народы».

Нет на земле ни одного народа, который был бы недостойн принятия в свое сердце истины Христовой и Христовой жизни, Дара Духа Святого. Нет ни одного человека, который мог бы победить своими грехами милосердие Божье. Никто из людей не имеет права унывать, если он обращается к Богу. Нет непроходимого средостения между человеком и Богом — его отменил Христос воскресший!

Если у нас один Господь, если у нас один Отец на Небесах, если мы живем

Сошествие во ад.

в одном Духе и в одной Церкви, то мы действительно друг другу братья и сестры — не фигурально, не метафорически, а совершенно реально. Если люди, родственные по крови, по плоти, ценят свое родство и братство, ценят принад-

лежность к одному народу, к одной семье, к одной местности, то тем более мы должны ценить это братство, это родство по духу, по Дару Христовой Любви.

Нам следует свидетельствовать о нашей вере, о нашей жизни словами и делами, явлением духа и силы. Нам следует иметь столь открытое, столь расширенное сердце, чтобы никому не было тесно в нем. Нам следует видеть Тайну Церкви как Тайну единства во Христе, как Тайну жизни в одном Духе.

Христос сделал нас наследниками Небесного Царства, и, воскреснув, Он дарует нам уверенность в исполнении Своего обещания. Мы верим, что это Царство открывается уже на земле. Мы знаем, что если оно не откроется для нас здесь, то и потом мы можем не обрести его, ведь после смерти оно никому не дается механически. Будем же, дорогие братья и сестры, внимать словам радости. Не будем страшиться, будем возвещать всем братьям и сестрам нашим о том, что сила Христова явилась в мире и уже из него не уходит. Будем свидетельствовать о новой жизни, о Новом Завете, будем свидетельствовать о том новом духе, который скрепляет наши жизни лучше любых человеческих связей. Пусть же победа, победившая мир — вера наша — торжествует! Христос воскрес!

В номере:

Отошла
ко Господу
Наталья
Сахарова

Она была ярким, незаурядным человеком, настоящей христианкой. Среди ее близких: Н.А. Бердяев, св. прпмц. Мария Парижская, о. Киприан (Керн), о. Иоанн (Крестьянкин), С.С. Аверинцев, кардинал Жан-Мари Люстиже.

С. 3

Противостояние
злу — эсхатологическая задача

Доклад преподавателя
Свято-Филаретовского
института

С. Зайденберга обращает нас к русской церковной традиции XX века, прежде всего — в лице о.Сергия Булгакова и О.Мандельштама.

С. 1, 4-5, 8

О благодатном и дисциплинарном смысле слова «благословение»

Спорят в рубрике «Внутрицерковная полемика» прот. Александр Шабанов (Тверь) и прот. Павел Адельгейм (Псков). Однако тема дискуссии гораздо шире: авторами предлагаются два противоположных подхода к миссии церкви.

С. 6-7

Мы чтим память Кирилла и Мефодия, но их дело продолжаем, в сущности, формально

Своими размышлениями о языке богослужения делится известный московский священник, настоятель одного из крупнейших столичных приходов, прот. Александр Борисов.

С. 8

В Миссионерском обозрении мы вновь обращаемся к жизни миссионерского движения «Воинство Господне»

ДОМ НЕБЕСНЫЙ

Доклад С. Зайденберга «Дом Небесный: противостояние злу как эсхатологическая задача в русской церковной традиции XX в. Опыт Осипа Мандельштама и о. Сергия Булгакова»

Прежде всего — почему я решил говорить о Мандельштаме?

В книжке «Наше положение. Образ настоящего» мне встретился текст Ольги Александровны Седаковой «Поэзия и антропология», где описывается, как в советской тюрьме пытались сломать одного диссидента, т.е. выбить из него какие-то признания, заставить что-то подписать, выступить с публичным покаянием, и тот, по собственному свидетельству, уже дошел до такого состояния, что

К какому-то моменту мне стало все равно. Я проснулся с чувством, что сегодня подпишу все, что требуется. Не от страха, а потому что все равно. Ничто ничего не значит.

И вдруг в уме у него возникло стихотворение Мандельштама. Это одно из самых последних его стихотворений, «Флейты греческой тэта и йота». Он пишет:

...Я пережил, наверное, то, что, как мне рассказывали церковные люди, они переживают после причастия, я тогда же так подумал: наверное, это то самое. Целый мир, весь, и свою причастность к нему. И после этого я уже твердо знал, что ничего не подпишу. Это уже невозможно. И они это поняли, и с этого дня больше ничего от

меня не добывались, отправили куда нужно¹.

Прочитав это, я вспомнил, что и у меня с этим стихотворением связано нечто подобное, хотя, к счастью, в тюрьме я не сидел и ломать меня тоже особо не пытались. Стихотворение это я всегда как-то знал, любил, но, как это со стихами Мандельштама бывает, не понимал. И вот в начале 1993 г. я вдруг в какой-то день его снова прочел и неожиданно *понял*, и когда его понял, то сразу же пришлось понимание необходимости принятия крещения, что, собственно, я и сделал через два месяца. Но удивительно — об этом пишет и Ольга Александровна в своем эссе, — что по своему содержанию стихотворение это формально не имеет никакого отношения ни к Богу, ни к Церкви, и говорит в принципе совершенно о другом, говорит о наследии классической Греции и т.д. И тем не менее, оно оказывает на человека вот такое исцеляющее, освящающее действие, соотносимое с церковным таинством, причем оказывает мгновенно! Если бы это был единственный случай, если бы это был только мой опыт, то наверное, не стоило бы об

этом и говорить, — все мы понимаем, что Бог может действовать и через куда менее значительные вещи, чем стихи Мандельштама. Но вот когда я прочел об этом у Ольги Александровны, я понял, что все-таки надо как-то об этом подумать и что-то сказать.

Почему, действительно, в этих и не только этих поздних стихах Мандельштама всегда можно черпать исцеляющую силу, почему они всегда живут внутри, почему иногда просто проводишь дни (а есть всякие моменты в жизни человека), просто повторяя их про себя — как некий якорь, который не дает опустить руки, который иногда составляет действительно последний оплот противостояния злу?

Я хотел бы предложить немного поразмышлять о том, что это за явление. Я буду говорить об очень простых вещах.

Всегда поражает в Мандельштаме прежде всего его верность универсализму и полноте жизни, полноте и целостности жизни. Я думаю, что это очень мощная штука и христианская штука.

Продолжение на с. 4-5, 8

НА ПАСХУ В ЕДИНСТВЕННОМ РУССКОМ ПРАВОСЛАВНОМ ХРАМЕ В РИМЕ ПРОШЛА ПЕРВАЯ ЛИТУРГИЯ

Храм расположен на территории российского посольства. Святая Екатерина, в честь которой названа церковь, одинаково почитаема православными и католиками.

Необходимость строительства первого православного храма в Вечном городе, где пролили свою кровь многие мученики, была вызвана прежде всего многочисленностью паствы Русской православной церкви в Риме.

Первая попытка возвести православный храм в итальянской столице была предпринята в конце XIX — начале XX веков по инициативе настоятеля русской посольской церкви и при поддержке царской семьи. Но тогда осуществлению этого замысла помешала революция.

УЧАШАЮТСЯ СЛУЧАИ ПЕРЕХОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛИКАНСКОГО КЛИРА В ПРАВОСЛАВИЕ

Роберт Ф. Ваггенер, бывший англиканский епископ американского диоцеза Святого Креста (США), и группа его прихожан 5 марта этого года были приняты в качестве катехуменов в лоно Антиохийской Православной Церкви (Антиохийский христианский архидиоцез Северной Америки). Теперь они образуют приход во имя Христа Спасителя в штате Вирджиния, сообщает французский православный ресурс Orthodoxie.

По истечении периода «огласительной» подготовки бывшие англикане окончательно перейдут в Православие через миропомазание. Они надеются, что их бывший архипастырь Роберт Ваггенер сможет быть рукоположен в православные священнослужители. Приход, к которому относятся новые катехумены, является частью викариата западного обряда Антиохийской Православной Церкви. Здесь практикуется совершение так называемой Литургии святителя Тихона, чин которой составлен из адаптированных под православное Богослужение фрагментов стандартного англиканского служебника («Book of common prayer»).

22 февраля этого года бывший священник американской Епископальной Церкви Дональд Дэвид Ллойд был принят через миропомазание в лоно Антиохийской Православной Церкви Преосвященным епископом Василием, главой архидиоцеза Северной Америки. Вскоре после этого Дональд Ллойд был хиротонисан во пресвитера.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ КОНФЛИКТ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ АМЕРИКИ (ОСА)

Глава Западноамериканской епархии Православной церкви в Америке епископ Тихон предложил председателю этой Церкви митрополиту Герману «уйти в отставку, удалиться на покой или быть низложенным».

В письме, опубликованном на сайте «Православные христиане за учетность», епископ Тихон приводит список из 15 пунктов, которые он ставит в упрек нынешнему председателю Православной церкви в Америке.

Глава Западноамериканской епархии заявил о том, что митрополит Герман превысил свои полномочия, самостоятельно сместив управляющего делами протопресвитера Роберта Кондратика и без согласия Синода наняв дорогостоящую аудиторскую фирму.

В частности, митрополиту Герману также ставится в упрек то, что он не ответил на обвинения, выдвинутые бывшим казначеем Эриком Уилером, в нецелевом использовании крупных пожертвований, поступивших от благотворительного фонда «Archer Daniels Midland».

Вместо этого, пишет епископ Тихон, пресс-секретарем митрополита был назначен протоиерей Пол Куцында, который дискредитировал председателя, заявив: «В определенный момент митрополит осознал: «Я испробовал все возможности, люди начинают говорить, что я некомпетентен и должен быть низложен», — поэтому он решил действовать». Епископ Тихон призвал председателя обратить внимание на существующие обвинения некоторых клириков в сексуальных домогательствах по отношению к другим.

Среди прочих обвинений, выдвинутых епископом Тихоном, названы награждение «бывшего майора КГБ» церковным орденом, оставление без внимания слухов об электронной слежке за представительством

Американской церкви в Москве, невнимание к слабой защищенности от хакеров компьютерной системы центрального церковного аппарата.

Отдельно епископ Тихон подвергает жесткой критике «терпимость» митрополита Германа по отношению к некоторым другим епископам, чьи «действия являются, скорее, действиями волка, чем пастуха».

В заключение епископ Тихон предлагает председателю Православной церкви в Америке либо подать в отставку в пользу старейшего иерарха этой церкви архиепископа Питтсбургского Кирилла, либо пройти медицинское и психологическое обследование и по его итогам уйти на покой.

В противном случае, заявляет епископ Тихон, нетрудно будет собрать кворум из 12 епископов для низложения митрополита Германа.

По уставу Православной церкви в Америке «решение о низложении епископа становится законным, лишь если оно будет подписано двенадцатью епископами». При этом «в случае необходимости восполнить это число епископы могут быть приглашены из соседних церковных провинций (юрисдикций)».

В свою очередь митрополит Герман опубликовал послание, в котором попросил прощения «у всех тех, кто был шокирован и удручен слабостями человеческой стороны жизни Церкви».

В этом документе он выразил сожаление по поводу того, что Великий пост был омрачен вопросами, связанными с финансами церкви.

«Поиск истины» и борьба за «сохранение честности в церковной администрации» превратились, по словам митрополита, в «критику, обвинения, раздоры», которые «разрушили мир и любовь среди верных чад Церкви».

«Все это стало источником разделений и скандалов, которые нанесли ущерб престижу и доброму имени Церкви», — добавил председатель.

Митрополит Герман призвал к прекращению этой, как он выразился, суматохи и напомнил, что инициировал финансовую проверку в центральном церковном аппарате.

«Как председатель Церкви я гарантирую, что моя администрация, Синод, митрополичий совет и управление делами будут полностью содействовать аудиторам, пока все эти проблемы не будут решены», — добавил он.

«Я беру на себя ответственность за все, что может произойти в мое правление», — заявил председатель Православной церкви в Америке.

Некоторые епископы запретили своим священникам читать послание митрополита Германа прихожанам.

Так, Аляскинский епископ Николай, сославшись на то, что, «по решению Синода, все окружные послания должны быть одобрены комитетом епископов», дал указание своим священникам не «отвлекать своих прихожан от Великого поста» чтением послания митрополита.

Такое же указание дал своим священникам епископ Западноамериканский Тихон.

ГЛАВА АМЕРИКАНСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ОРДЕНА ПРИЗВАЛ СПАСТИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ ОТ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Нью-Йорк. 4 апреля. ИНТЕРФАКС

Руководитель Ордена святого Андрея, объединяющего архонтов Константинопольского патриархата, Энтони Лимберакис обвинил представителей турецкого правительства в многолетней систематической работе по уничтожению Константинопольского патриархата.

В обращении, опубликованном на сайте ордена, Э.Лимберакис раскритиковал проводимую в Интернете кампанию по сбору подписей в пользу открытия храма Святой Софии Константинопольской в нынешнем Стамбуле.

Э.Лимберакис заявил, что эта кампания жалка и преследует неправильную цель. «Призыв, на который должны ответить все мужчины и женщины, имеющие совесть, это призыв к защите живого института — Вселенского Константинопольского патриархата», — сказал он.

Представители турецкого государства, подчеркнул Э.Лимберакис, «повели гонения на православных клириков и мирян, закрыли единственную богословскую школу патриархата и конфисковали его имущество». Если составить полный список гонений, которым был подвергнут патриархат, то «он будет долгий и ужасный», добавляет руководитель ордена.

Глава архонтов призвал к практическим мерам по спасению Константинопольского патриархата. В первую очередь, пишет он, можно «совершить пожертвование в Орден святого Андрея в пользу его инициатив по защите патриархата». Кроме того, можно направить письма в поддержку патриархата на имя

президента США и других представителей политической власти, а также уведомить об этой проблеме «наших братьев и сестер любого вероисповедания — будь то православных, католиков, протестантов, мусульман или евреев».

Архонтами некогда называли высших должностных лиц в древнегреческих полисах. В Византийской империи этот титул носили высокопоставленные вельможи. После падения Византии титул иногда присваивался патриархом Константинопольским, который при турецком владычестве возглавлял греческую общину не только в церковном, но и в гражданском отношении.

Сорок лет назад американский архиепископ Иаков ввел чин архонтов для награждения особо отличившихся мирян-греков за их заслуги перед Константинопольским патриархатом — как материального, так и общественного характера. Архонты объединены в Орден святого Андрея. По существу, титул архонта сообщает нечто вроде церковного дворянства и присваивается патриархом.

ВО ФРАНЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ СПОРЫ МЕЖДУ ЮРИСДИКЦИЯМИ

В среду 5 апреля 2006 года Корсунская епархия (Московский патриархат) распространила официальное сообщение, в котором в действиях Экзархата русских приходов в Западной Европе (Константинопольский патриархат) усматриваются признаки тоталитаризма. В заявлении также говорится: «Попытка навязать приоритет мирских начал в решении канонических и духовных вопросов живо напоминает нам о недавних временах безбожного тоталитаризма в России. Мы знаем, что разного рода суды имели место в истории. Однако не на их приговорах, а на священных канонах Церкви хотели бы мы основывать наше церковное бытие». Заявление связано с продолжающимся конфликтом вокруг храма в Биаррице, по поводу которого было сказано: «с точки зрения канонического права и исторической справедливости русский приход в Биаррице, изначально принадлежавший Русской православной церкви и ставший одним из первых православных приходов во Франции, имеет все основания вернуться в состав Московского патриархата, от которого никогда не получал канонического отпуска».

В ответ на это заявление на следующий день, 6 апреля, епархиальное управление Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе (Константинопольский патриархат) заявило: «ознакомившись с этим сообщением, мы не можем скрыть наше сожаление, ибо оно исходит от наших братьев по вере, которые сравнивают наш церковный путь с методами «атеистического государства, не так давно царившими в России». Явная крайность этих утверждений говорит сама за себя. Мы храним верность учению наших почивших святителей, в частности, Митрополита Владимира и Архиепископа Георгия Евдокиадского. Не будем поддаваться искушению и входить в ненужную и прискорбную полемику. Мы ответим словами блаженной памяти Архиепископа Георгия Евдокиадского, чей день кончины мы отмечаем сегодня: «Будем просить Господа, да даст Он всем нам в наших взаимных отношениях осуществлять Апостольский Завет: «Станем любить не словом и языком, но делом и истиной» (1 Ин 3,18). Разрешение церковной смуты, очевидно, надо искать не столько в соглашениях и переговорах, сколько в смиренной молитве о том, чтобы Господь снова озарил наши взаимные отношения благодатным светом любви и истины».

Одновременно епархиальное управление Архиепископии распространило сообщение в связи с решением суда высшей инстанции относительно православного Никольского собора в г. Ницце. Суд признал обоснованность иска Религиозной русской православной ассоциации об отзыве постановления суда от 23 ноября 2005 г. Опротестованное постановление разрешало проведение в соборе инвентаризации по запросу Российской Федерации. Основанием для этого было утверждение, что на сегодняшний день именно Российское государство является собственником собора. В сообщении говорится:

«Судья, ранее разрешивший опись имущества в соборе, на этот раз, ознакомившись с документами, предоставленными Религиозной русской православной ассоциацией г. Ниццы, объявил, что на данный момент он не компетентен дать окончательное заключение по вопросу о том, кто является собственником здания».

На сегодняшний день епархиальное управление считает, что документы, которые находятся в распоряжении Религиозной русской православной ассоциации г. Ниццы, указывают на то, что собор является собственностью указанной ассоциации. На этом основании Епархиальное управление будет и впредь поддерживать действия Ассоциации, направленные на отстаивание своих прав и на поддержание в сохранности достояния, которым они располагают».

ПАСХА – ВРЕМЯ КРЕЩЕНИЯ И ПЕРВОГО ПРИЧАСТИЯ

для новых членов Русской православной церкви

Сто пятнадцать человек воцерковилось на Пасху благодаря катехизаторам Преображенского содружества малых православных братств, более года проводившими с ними огласительные встречи. Среди воцерковившихся — люди разных культур и национальностей: русские, казахи, татары, евреи, англичане, грузины, молдаване, белорусы — жители разных городов России и ряда других стран. В течение церковного года есть несколько праздников, особым образом связанных с принятием Церковью новых членов (в эти дни на литургии вместо Трисвятого всегда поется обра-

щенное к новокрещенным песнопение «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь» («Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись»). Однако самым естественным и самым традиционным праздником воцерковления всегда была именно Пасха: вряд ли в какое-то другое время можно было полнее почувствовать свое погружение, «крещение» в смерть и воскресение Спасителя. Теперь после Пасхи в течение восьми недель новоцерковленные будут проходить «мистагогию» — введение в литургические таинства церкви, ее догматику, аскетику и антропологию.

ОПУБЛИКОВАНО «ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИУДЫ»

Но эта публикация вряд ли повлияет на религиозные убеждения большинства верующих и скептиков, считает прот. Всеволод Чаплин

«Не думаю, что этот текст уменьшит количество верующих или увеличит количество скептиков», — сказал заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин в пятницу, 7 апреля, комментируя издание в США этого коптского манускрипта, найденного в Египте в 70-х годах прошлого века. Возраст Евангелия — около 1700 лет, но ученые полагают, что оно восходит к более древнему греческому тексту.

В нем по-иному, нежели в четырех канонических Евангелиях, трактуется образ Иуды — он предаёт Иисуса не из алчности или злобы, а якобы по воле и указанию самого Христа, помогая Учителю принести жертву во искупление человеческих грехов.

Для того, чтобы вынести о содержании вновь опубликованного евангелия строгое суждение, надо увидеть текст и подробные данные о его происхождении, заключил отец Всеволод Чаплин. По его словам, не первый раз обнаруживаются и распространяются апокрифические произведения неясного происхождения, пусть и достаточно древнего. «Еще в первые века Христианства такие тексты составлялись и хо-

дили по рукам в разных общинах», — отметил он.

«Вне зависимости от того, что написано в этом тексте, не думаю, что его появление сильно изменит восприятие Евангелия верующими людьми и скептиками, ведь их скепсис мог подкрепляться и другими апокрифами», — подчеркнул прот. Всеволод Чаплин. Отношение к каноническому Евангелию, добавил представитель Московского Патриархата, определяется не наличием тех или иных апокрифов, а «собственным душевным состоянием человека, его убеждением, его настроением и его жизнью».

Существующий в единственном экземпляре древний коптский манускрипт с текстом «Евангелия от Иуды» впервые обнаружен в четверг в Вашингтоне в штаб-квартире Национального географического общества США.

Как сообщает пресс-служба общества, «Евангелие от Иуды» содержит «иной взгляд на взаимоотношения между Иисусом Христом и Иудой». «В отличие от новозаветных Евангелий от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, в которых Иуда изображен как достойный порицания предатель, это недавно обнаруженное евангелие изображает Иуду

действовавшим по просьбе Иисуса, когда он сдал Иисуса властям», — отмечает пресс-служба.

Подлинность манускрипта, относящегося к древней христианской апокрифической литературе, установлена «с использованием пяти различных методов, включая радиоуглеродное датирование, анализ чернил, спектральный анализ, контекстуальные, а также палеографические подтверждения», говорится в заявлении вице-президента Национального географического общества США Терри Гарсия, распространенном в Вашингтоне.

«Открытие древнего небиблейского текста, которое некоторые считают самым важным за последние 60 лет, расширяет наше знание истории и теологических воззрений периода раннего Христианства, и его следует изучать историкам, ученым и теологам», — подчеркнул Гарсия.

Манускрипт был найден в 70-х годах двадцатого века в Египте и несколько раз перекупался коллекционерами. После завершения проходящих сейчас исследований, в которых участвует Национальное географическое общество США, древний документ будет передан в Коптский музей в Каире (Египет).

ОТОШЛА КО ГОСПОДУ НАТАЛИЯ САХАРОВА

После продолжительной болезни 16 апреля в Петербурге скончалась Наталия Юрьевна Сахарова.

Она родилась в Париже в 1934 г. в дворянской семье Татариновых — беженцев из подсоветской России. В детстве получила религиозное воспитание. Друзьями и соседями их семьи были Бердяевы. В доме философа она встречала мать Марию (Скобцову). В воскресной школе слушала о. Киприана (Керна).

В 1949 г. родители решили вернуться на родину, и семья оказалась в Тамбове. В 1956 г., Наталия Татаринова окончила факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института. Затем училась в аспирантуре Ленинградского пединститута им. Герцена и с 1961 по 1994 гг. работала в этом институте на кафедре романской филологии и на кафедре французского языка. В 1970 защитила кандидатскую диссертацию, получила звание доцента. В Ленинграде вышла замуж за Игоря Васильевича Сахарова.

Пережив в молодости кризис веры, совпавший с переездом в СССР, Наталия Юрьевна осталась верной дочерью Церкви. Большую роль в жизни семьи Сахаровых сыграл о. Иоанн (Крестьянкин). С 1974 супруги Сахаровы становятся прихожанами храма Ленинградского духовной академии и семинарии. Постепенно вокруг них сплотилась группа обретших веру людей, которая, вот уже почти 30 лет, каждое воскресенье после литургии собирается на братскую трапезу в одной из аудиторий академии.

В 70-е в Москве в доме сестер Скрабиных началась ее дружба с митрополитом Суражским Антонием (Блумом). Во время одной из бесед с владыкой Наталия Юрьевна познакомилась с С.С. Аверинцевым. Именно Н.Ю. Сахарова была организатором лекций Сергея Сергеевича в Ленинградском пединституте, в пору, когда в Москве его публичные выступления были запрещены.

Глубоко православный человек, Н.Ю. Сахарова особое внимание уделяла деятельности по преодолению разделяющих Православную и Католическую церкви противоречий. Ее друзьями стали кардинал Жан-Мари Люстиже, богослов Анн-Мари Пеллетье, филолог-русист Ив Амман. Тесные связи соединили Н.Ю. Сахарову с насельниками Крестовоздвиженского бенедиктинского монастыря в Шеветоне (Бельгия). В конце 80-х Наталия Юрьевна Сахарова организовала Библейский семинар. Для многих ее учеников — этот семинар стал первым шагом к воцерковлению. В журнале «Православная община» есть упоминание о крещении целой группы студентов из Петербурга в храме г. Электроугли, крестил их тогдашний настоятель храма о. Георгий Кочетков.

Н.Ю. Сахарова была верным другом Преображенского братства, активно участвовала в конференциях СФИ. Особенно памятно ее участие в конференции 1997 года «Живое предание», где она ассистировала о. Антонию (Ламбрехтсу). Наталия Юрьевна всегда выступала в нашу защиту. В самый разгар печальных событий 1997-го в храме Успения в Печатниках она решительно остановила рассуждения о. Олега Клемишева, выражавшего сомнение в православности нашего движения.

Наталия Юрьевна ушла в день, когда восточные христиане празднуют Вход Господень в Иерусалим, а западные — Пасху. И смертью, как и жизнью, она свидетельствовала о Воскресении

ПРИНЯТА ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

но она вряд ли станет популярной в России, — считают эксперты

В Москве завершил работу Всемирный русский народный собор (ВРНС), проходивший с 4 по 6 апреля под председательством патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Традиционно на форуме, кроме иерархов РПЦ и других религиозных конфессий, присутствовали представители всех ветвей светской власти, политических партий и общественных организаций, а также деятели науки и культуры, бизнесмены. На заключительном заседании Собор принял Декларацию о правах человека, которая должна, по мнению собравшихся, стать для многих в России альтернативой международной концепции прав человека, основанной на так называемом радикально-либеральном подходе.

Довольно емко и жестко еще накануне суть проблемы сформулировал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

Он заявил, что «религиозная традиция содержит в себе критерий различия добра и зла». «С точки зрения этой традиции не могут признаваться в качестве нормы насмешки над святыней, аборт, гомосексуализм, эвтаназия и другие виды поведения, активно защищаемые сегодня с позиций концепции прав человека», — сказал митрополит. И хотя в его речи акценты были рас-

ставлены довольно явно, итоговая декларация оказалась весьма сдержанной.

Ее тезисы свелись к следующему: «Человек как образ Божий имеет особую ценность, различению добра и зла призвана содействовать религиозная традиция, имеющая своим Первоисточником Бога. Мы различаем две свободы: внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора. Права человека имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности, как вера, нравственность, святыни, Отечество. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями.

Решение о том, что такая концепция нужна, было принято еще на прошлом, девятом, соборе (ВРНС) в марте 2005 года. Первоначально предполагалось, что это будет очень жесткий и даже агрессивный документ, по сути антизападнический, с акцентом на идею русской самобытности. Но то, что получилось в итоге, как отмечают эксперты, «абсолютно гладкий, беззубый документ, где все нормально и вряд ли с чем-то можно спорить».

Эксперты полагают, что эта декларация вряд ли станет популярной в российском обществе. Как констатировал религиовед Борис Фаликов, «сейчас в мире нарастает противостояние религиозных консерваторов и секуляристов (от лат. saecularis — мирской, светский). Это противостояние очевидно в Европе и США, где общество активно вовлечено в культурные войны, но не актуально для России». Как заметил Борис Фаликов, число реально православных людей в стране невелико — ходят причащаться в церковь только 3% от населения. Есть также группа воинствующих фундаменталистов, к примеру, Союз православных граждан. «По другую сторону баррикад — небольшая группа правозащитников-секуляристов и сочувствующих им», — отметил Фаликов.

По его мнению, на внутреннем рынке документ некому адресовать, кроме государства, которое тоже последовательно борется с правозащитниками.

«Отсюда и разговоры о заказе. Но это тот заказ, который выполняется от души. Второй заказчик — это, условно говоря, мир. Мы хотим показать, что наша церковь имеет свой особый взгляд на права человека», — заявил Борис Фаликов.

По материалам сайта «Газета.ru»

ДОМ НЕБЕСНЫЙ

Доклад С. Зайденберга «Дом Небесный: противостояние злу как эсхатологическая задача в русской церковной традиции XX в. Опыт Осипа Мандельштама и о. Сергея Булгакова»

О. Сергей Булгаков

Продолжение. Начало на с. 1

Дьявол искушает человека его недостойнством, ввергая его не в покаяние, а в уныние. В состояние, охватившее в тюрьме того диссидента, — состояние рабства, когда «все равно». Мандельштам же говорит почти в виде императива: дышать полной грудью. Это у него постоянная тема, но если в стихотворении 1915 г. эти слова — переживание дара Божьего: «*Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули / О луговине той, где время не бежит*», то в последних стихах это звучит уже как исповедание веры, как клятва верности: «*Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье, / Иль этот ровный край — вот все мои права, / И полной грудью их вдыхать еще я должен*». Полнота жизни — не как желание человека, не как то, что человек хочет или не хочет, а как то, к чему он призван свыше и что он как человек должен делать, что составляет его собственную человеческую задачу, чему он должен быть прежде всего верен. И мне кажется, что это — первое, что, действительно, противостоит злу и помогает противостоять злу, противостоять вот этой дьявольской клевете.

Второе, что мне кажется очень важным, — у Мандельштама верность полноте жизни раскрывается как верность христианскому универсализму. Хорошо известно, что он какое-то время увлекался идеей Рима как оплота христианского универсализма и даже уже в 30-е годы, как раз в гимне верности вот этой полноте жизни, упоминал «папского замка вино» — вряд ли просто как название любимого напитка.

И в то же время эта тоска по мировой культуре, верность этой тоске, верность призыванию к полноте и целостности жизни, к универсализму, сочетается и раскрывается в верности вот этой земле, вот этой ситуации, вот этому месту, куда тебя поставил Бог, какими бы они ни были: «*И ясная тоска меня не отпускает / От молодых еще, воронезских холмов — / К всечеловеческим, ясным в Тоскане*». Клятва верности тоске по мировой культуре совпадает с клятвой верности «этому ровному краю». Второе — обязательное условие первого. Вот это сочетание, мне кажется, редкое и удивительное, и в то же время — составляющее едва ли не самую суть той духовной традиции (я бы назвал ее пушкинской), в которой нам выпало счастье жить.

И еще одно, о чем приходится всегда напряженно думать в связи с опытом Мандельштама, — его стихи о Сталине. Т.е. с одной стороны, знаменитое «Мы живем, под собою не чуя страны», как бы такое проклятие Сталину, с другой же — «Ода Сталину» и остальные прославляющие его стихи. Этому найдено и находится множество объяснений, это объясняют страхом, объясняют как-то еще, такой тактической уловкой, и т. п. Мне же всегда казалось, что здесь есть

одна очень простая проблема, связанная как раз с этой верностью миру, верностью земле и верностью человеку. Ольга Александровна Сedaкова любит напоминать стихи из писания церковного: «Вы — дети благословения, идите и благословляйте». Вот человек, поэт, христианин, не призван к проклятию, человек призван к благословению, он — тот, кто благословляет, тот, кто оправдывает, тот, кто спасает, — так, как это делает Бог. Человек, христианин и поэт в этом смысле — одно.

В этом контексте очень понятны, внутренне понятны стихи Пушкина на воцарение Николая: «В надежде славы и добра вперед гляжу я без боязни...» Все мы знаем, как все было — что он сделал с его друзьями и т.д., но тем не менее, Пушкин это писал как аванс доверия, как именно евангельский призыв к благословению. В этом же ряду — «Медный всадник» с авторским — творческим, поэтическим, человеческим, христианским — выбором любящего благословения «Петра творенья» вопреки уже готовому сорваться с уст «Ужо тебе!» И главное, конечно, — «Капитанская дочка», с ее, как писала Цветаева, любовным «очищением», т.е. освящением и благословением Пугачева, того, кто повесил самых близких, и через это, как и через дату — 19 октября — связанной, опять-таки — с Николаем... Благословение и прощение человека, исходящее из свободы и любви, без всякого благословения зла — вот предельная, евангельская задача русской литературы, русской духовной традиции, перед которой был вновь поставлен Осип Мандельштам. Изменить этой задаче он не мог. Но и прежние решения ее уже не годились.

В случае Сталина задача вернулась, я бы сказал, в новой, небывалой степени сложности. Не случайно знаменитые стихи Пастернака 1931 г., в которых он попытался повторить пушкинские «Стансы»:

*Столетье с лишним — не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни...*

— в действительности столь малоубедительны. Именно потому, что «столестье с лишним — не вчера». О том, в каком виде через столетие вернулась та же задача, уже в 1973 г. в своем эссе «Размышления об исчадии ада» писал Иосиф Бродский, уже не раз поминавший на этой конференции. Проблема ведь не в том, что Сталин, подобно Пугачеву, — какой-то очень большой злодей, — больших злодеев много, и неизвестно еще, самый ли он из них большой. Проблема в том, что в его случае мы имеем дело с *крайним*, предельным *смещением* добра и зла. Это человек, который *одновременно* был одержим строительством и разрушением, рождением и убийством. Я процитирую:

Он правил страной почти тридцать лет и все это время убивал. Он убивал своих соратников... и он убивал тех, кто убил этих соратников. Он убивал и жертв и их палачей. Потом он начал убивать целые категории людей... Потом он занялся геноцидом. <...> И все это время, пока он убивал, он строил. Лагерь, больницы, электростанции, металлургические гиганты, каналы, города и т.д., включая памятники самому себе. И постепенно все смешалось в этой огромной стране. И уже стало непонятно, кто строит, а кто убивает. Непонятно стало, кого любить, а кого бояться, кто творит Зло, а кто — Добро. Оставалось прийти к заключению, что все это — одно. Жить было возможно, но жить стало бессмысленно. Вот тогда-то из нашей нравственной почвы, обильно унавоженной идеей амбивалентности всего и всех, и возникло Двоемыслие.

Говоря «Двоемыслие», я имею в виду не знаменитый феномен «говоря-одно-думаю-другое-и-наоборот». Я также не имею в виду оруэлловскую характеристику. Я имею в виду отказ от нравственной иерархии, совершенный не в пользу иной иерархии, но в пользу Ничто. Я имею в виду то состояние ума, которое характеризуется формулой «это-плохо-но-в-общем-то-это-хорошо» (и — реже — наоборот). То есть я имею в виду потерю не только абсолютного, но и относительного нрав-

ственного критерия. То есть я имею в виду не взаимное уничтожение двух основных человеческих категорий — Зла и Добра — вследствие их борьбы, но их взаимное разложение вследствие сосуществования. Говоря точнее, я имею в виду их конвергенцию. <...>

Я полагаю, мы живем в эпоху постхристианскую. Не знаю, когда она началась. Сов. писатель Леонид Леонов предложил — в качестве подарка к одному из дней рождений Сталина — начать новое летоисчисление: со дня рождения Джугашвили. Не знаю, почему предложение это не было принято. Может, потому что Гитлер был моложе. Но дух времени он уловил правильно. Ибо оба эти исчадия Ада сделали первый шаг к осуществлению новой цели: к нравственному небытию. Убивать, чтобы строить, и строить, чтобы убивать, начали, конечно, не они, но именно они придали этому бизнесу столь гигантский размах, что затмили своих предшественников и отрезали у своих последователей — да и вообще у человеческих существ — пути к отступлению. В каком-то смысле они сожгли нравственные мосты. Умерщвление десятка-другого миллионов для человеческого восприятия есть не реальность, но условность, так же как и условной является цель этого умерщвления. Максимальная реакция, в такой ситуации возможная и (из-за инстинкта самосохранения) желаемая: шок, blank mind (полное отсутствие реакции). Сталин и Гитлер дали первые сеансы этой терапии, но так же, как вор грабит не ради вчерашнего дня, следы из преступлений ведут в будущее.

Я не хочу рисовать апокалиптические картины; но если в будущем будут происходить убийства и вестись строительство, то конвергенция нравственных критериев плюс астрономические количества в списке жертв превратят нас и, главное, наших потомков в моральных мертвецов с христианской точки зрения и в счастливейших из смертных — с их собственной. Они, как говорил философ, окажутся по ту сторону Добра и Зла. Но — зачем же так сложно? просто по ту сторону Добра»².

Я прошу прощения у здесь присутствующего Бориса Аркадьевича Воскресенского, но я бы назвал описываемое явление такой *духовной шизофренией*. Не в смысле психической болезни, а в смысле радикальной и принципиальной духовной раздвоенности. Цель этого почти сознательного предприятия — уйти от Божьего и человеческого суда, поставить себя в положение, где нравственный суд был бы в принципе невозможен. Создать тем самым в себе самом принципиально новое духовное пространство, принципиально новый мир, где Бог невозможен. Где проклятие зла одновременно и неизбежно приводило бы к проклятию человека, и наоборот — благословение человека тут же приводило бы к благословению зла. Это и есть рождение загадочного «человека беззакония» — не просто злодея, а того, кто ставит себя вне Закона. Не превосходит Закон верой, тем самым его утверждая, как это делает Христос, а упраздняя его своим крайним безверием. То есть если описывать то, о чем Бродский несколько апофатически пишет, в более катафатических терминах о. Сергея Булгакова, можно говорить о явлении Анти-Софии. Вот есть София, Премудрость Божия, вот этот Богосродный корень в мире и человеке, который выводит человека за пределы мира, за пределы разделения на добро и зло, а есть Анти-София — это зов к иному решению той же проблемы: «И будете как боги, знающие добро и зло». Бродский не случайно пишет, что человеку *кажется* при этом, что это выводит его за границы добра и зла, делая его богом, но это дьявольская иллюзия, — в действительности это выводит его просто за границы добра...

Конечно, не в том дело, чтобы утверждать: «Сталин — Антихрист», или наоборот, — но очевидно, что это апокалиптическое явление. Антихрист ведь и есть такой духовный шизофреник, потому что он крайне, подчас до неразличимости похож на Христа, и в то же время — несет в себе все то, что прямо противоположно Христу. В этом смысле мне кажется, что явление Мандельштама, и в особенности его последних стихов — это и есть эсхатологический ответ на этот

О. Э. Мандельштам. 1934 г.

апокалиптический вызов. Искушение искушает, как мы все знаем, соблазн соблазняет, тут никуда не денешься. Мандельштам вбирает в себя это страшное, в каком-то смысле действительно последнее, крайнее искушение. Его словно бросает от проклятия к благословению, но и то и другое оказывается соблазном. (Нельзя тут не вспомнить, что именно отсутствием выхода в подобной ситуации было озаменовано начало византийской традиции — вспомним, что писал об императоре Юстиниане в своих официальных сочинениях и «Тайной истории» Проконий Кесарийский.) И в конце концов — приходит апокалиптический и эсхатологический ответ. Последние стихи Мандельштама, где «отклик Неба во всю мою грудь», где «счастливое небохранилище» как «раздвижной и прижизненный дом» — это вторжение Неба в человеческую жизнь, это явление Неба как дома, как пространства жизни, как того, в чем человек может дышать в мире, где воздух окончательно заражен Антихристом, казалось бы не оставляющим человеку выхода. Мне кажется, что это — самое главное, о чем жизнь и смерть Осипа Мандельштама, его последние стихи свидетельствуют: что это пространство противостояния злу, в конце концов, может быть только вот таким, только эсхатологическим. Нет другого выхода. Мне кажется, о чем-то подобном сказано в Писании: когда явится Антихрист, «человек беззакония», тогда-то явится и Христос, и «убьет его духом уст Своих»: «*Чуешь, мачеха звездного табора — / Ночь, — что будет сейчас и потом?*»

Как я сказал в начале, я говорю сейчас очень простые вещи, почти прописные истины. В самом деле: проблема противостояния злу — это эсхатологическая проблема, и вообще христианство эсхатологично, ну кто этого не знает. Но увя — как трудно эту прописную истину сделать реальностью! Да, у Мандельштама всегда была эта эсхатологическая нота, эсхатологическая тяга, но то, что мы читаем в этих последних стихах, — это не просто нота, не просто тяга, это Божий ответ, как прорыв Неба в человеческую жизнь и прорыв человека к этому Небу. И вне этого все попытки противостояния обречены на провал. То есть иначе мы обречены проклинать, а не благославлять, или мы начнем благославлять то, что благославлять нельзя. А мы должны понимать, что жизнь, история в конце концов неизбежно поставят нас в такую ситуацию, когда придется либо делать ложный выбор, т.е. власть в подобную духовную шизофрению, покориться Антихристу, — или прорываться к подлинной эсхатологии. «Тайна беззакония уже в действии». Мне кажется, что это просто надо трезво понимать, и Мандельштам как раз дает нам возможность прикоснуться к этой эсхатологической реальности. Во всяком случае, иного объяснения тому мощному исцеляющему дей-

ствию его последних стихов, о котором есть многочисленные, в том числе письменные свидетельства, — иного объяснения я не вижу.

О том же я хотел бы сказать еще и на другом примере. Вы знаете, что нечто близкое пережил о. Сергей Булгаков, когда после рукоположения оказался в Крыму и увидел, как русская церковь, которая для него всегда была оплотом универсализма, вселенскости, рушится, раздирается на части. Мир рушится, нуждается в духовной поддержке церкви, а в самой церкви нет вселенскости, нет центра. Он с огромной болью переживает эту местечковость тогдашнего православия, и тогда он начинает думать о Риме. У него, как и у Мандельштама — здесь, мне кажется, совершенно неслучайная аналогия — возникает то, что названо «римским соблазном», когда из Крыма Рим видится ему оплотом универсализма, вселенскости, и он мечтает, пишет об этом и мучается, конечно... И потом, когда он в 1922 г. наконец попадает в Константинополь и видит там реальных тогдашних католиков, а заодно видит и реальное греческое православие, которое приводит его в ужас именно своим духовным провинциализмом, тогда начинается самое страшное. В константинопольских дневниках он — словно загнанный зверь, он не знает, что делать, потому что внутри себя хочет быть верен вселенскому призыванию церкви, а не за что зацепиться, никакой зацепки нет. В России — рабство церкви, господство «обновленчества». Здесь, в свободной части русской церкви, — и того хуже:

Слышал за это время рассказы о творившемся в Карловацком соборе, об его атмосфере: даже я не думал, что это так тяжело, так страшно, так безнадежно³.

Не только Русская церковь рухнула, но и в греческом православии одни подмены: Тупики отовсюду. <...> Какая гниль! <...> По видимому, вообще греческое православие выдохлось и превратилось в фольклор. Но что же делать? Куда податься. А у нас или живоцерковщина, или здешняя тухлость...⁴.

Он хочет, с одной стороны, вселенскости, которую видит в Риме, он знает для себя, что без воссоединения Востока и Запада у церкви нет пути, но в то же время видит, что надежд на это немного, понимает, что прежде, чем станет возможным по-настоящему церковное соединение Востока и Запада, а не профанация унии, Рим сам должен пройти через великое очищение. И в то же время о. Сергей хочет сохранить верность русскому православию, потому что после встречи с греками, для него русское православие — это единственный выход к вселенскости, к подлинной церковности.

В России «живая церковь», большевизм, гниение, протестантизм, здесь иерархическая косность, явленная в Карловцах и всюду, а у католиков сомкнутая рать иезуитов, готовых к бою и действующих как один человек. Но перед лицом этой рати, этой земной силы и мирского могущества, я чувствую себя в православии и православным более чем когда-либо. Новым здесь для меня еще является некоторое, хотя и малое, знакомство с греческой церковью: понятно, почему и как она устояла от католиков. Это националистическая церковь, в которой мысль и сознание понизились до уровня провинциальной мегаломании. <...> Я не мог бы с ними служить и не могу молиться с ними. <...> Нет более очевидного подтверждения утверждения католиков о том, что православие находится в национальном оскотении, как греческая К<онстантинопольская> церковь с притязаниями на «вселенскость» своего папы! Пародия и карикатура! <...> Поэтому о вселенскости православия не может быть и речи, есть лишь русское православие... но есть ли и оно? <...> ...Я скван и в параличе...⁵

Стоит вдуматься в последний вопрос о. Сергия. Это ведь в действительности не вопрос, так сказать, личных переживаний. Это эсхатологический вопрос. Он словно спрашивает: есть ли вообще сейчас Церковь, осталась ли она? Найдет ли Сын Человеческий *сейчас* веру на земле? Я думаю, мы должны отнести к этому вопросу предельно серьезно, не как к истерике или эмоциональному срыву. Это серьезный, реальный вопрос, и на него можно было и не получить, не найти ответа...

Конечно, если бы в послереволюционные годы о. Сергию было дано жить в Москве, как Бердяеву, или в Киеве, как Зеньковскому, то возможно он увидел бы ростки нового, увидел, например, общину оо. Алексея и Сергия Мечевых или общину о. Анатолия Жураковского, и у него появилась бы надежда, — но он жил там, где он жил. Он ничего этого не видел, не видел той новой реальности церковной жизни, которая родилась сразу после революции, — ни того, что было в Москве, ни того, что было в Киеве. Но я думаю: может быть, в этом тоже есть некий промысел Божий, может быть, эти дневники о. Сергия оставлены, даны нам как свидетельство серьезности, реальности этого вопроса о Церкви? Можно увидеть здесь прямую параллель с тем вызовом, перед которым был поставлен Осип Мандельштам: вопрос, на который в той действительности не было ответа.

Но все-таки ответ Божий был о. Сергием получен: Господь, по слову Писания, «дал простор в тесноте». Я имею в виду Первый съезд РСХД, который собрался в октябре 1923 г., т.е. буквально через полгода после цитированных писем о. Сергия. Не случайно этот съезд был назван «Пшеровской Пятидесятницей», т.е. был опять-таки связан с прорывом Духа, прорывом Неба в человеческую жизнь, в результате чего родился совершенно новый для того времени образ Церкви. Это Церковь как действительно эсхатологическое пространство. О. Василий Зеньковский писал позже, что если человек *жил* в движении РСХД, то только в силу того, что когда бы он ни приходил в Движение, он всегда *лично* общался к этому событию, к этой Пятидесятнице, духовно входил в нее. То есть эта Пятидесятница была новым духовным пространством, где границы были именно духовными границами. (Я напомним, что съезд был РСХД задуман как межконфессиональный, но в результате на нем родилось православное Движение, которое именно в силу своего глубинного православия было целиком открытым и потенциально вселенским.)

Невозможно удержаться, чтобы не привести это свидетельство о. Василия Зеньковского:

Но вот окончились дискуссии, путь Движения определился... Деловая и идеологическая часть съезда была окончена, но нас ждало еще его мистическое увенчание. Его предчувствовали, к нему нас подготавливали, но никто не мог представить себе того, что было в действительности.

В субботу вечером, после всенощной, о. С. Булгаков попробовал устроить общую исповедь. Это было глубоко и сильно, он после общих молитв перед исповедью просил всех каяться по тем указаниям о грехах, которые он будет делать. В зале было полупусто, горели лампадки, немного свечей перед иконами — а вся огромная зала уже было в полумраке. Разбросанно, каждый как бы войдя во внутреннюю клеть, часто стоя на коленях, слушали слова священника — «каюсь в том, что недостаточно любил Господа нашего Иисуса Христа» и другие слова, и в ответ слышался шепот «каюсь». Каждый испытывал себя. После общего отпуска грехов началась дополнительная индивидуальная исповедь, продолжавшаяся приблизительно с 9 час. вечера до 4 час. утра. Незабываемая ночь, непостижимая тайна и радость исповеди, когда шепотом говорились слова покаяния и шепотом священник делал свои указания. К индивидуальной исповеди шли буквально все — и это братство в покаянии, эти коленопреклоненные фигуры, в безмолвии, в темноте искавшие у Бога ключа к новой жизни, далекий, неразличимый шепот исповедника и священника — это была огненная, живая и палящая сила, которая свыше, благодатным озарением освещала душу, укрепляла, утешала, вдохновляла и звала. Нельзя забыть эту ночь... Многие, уже после исповеди, долгое время еще молились. Я и теперь не могу без волнения вспомнить эту ночь, которая мне кажется чудом, как бы видением того, что должно делаться в юной душе. Спали все очень мало. Хотя литургия в воскресенье (заключительная) была назначена на 8 час., но все так привыкли вставать в 6 час., что встали в то же время и в воскресенье. Уже с вечера, когда вообще и деловая часть кончилась, и мысли всех устремились к Церкви, барышни стали убирать, чистить зал, где была церковь, нанесли много зелени, цветов. Утром собрали поздние осенние цветы, все убрали, церковь и зал стали неузнаваемыми, словно все готовились к браку. Это и была Кана Галилейская или наша Пятидесятница... Как описать литургию, это особое, торжественное, почти жуткое ожидание св. Причастия? Когда пришел его момент — казалось — что душа

больше не выдержит, что она разорвется в слезах, что нужно как-то выразить внешне, что скопилось в душе всю неделю. После св. Причастия и юноши, и девушки стали, поздравляя друг друга, — целовать друг друга, и в этом было что-то от св. Пасхи. Оттого так и естественно родилось пение пасхального канона и песни «Воскресение Христово видевше». Казалось, что все точно во сне, что это не наяву. Возбуждение, которое накопилось так долго и достигло своего мистического завершения в исповеди и св. Причастии, теперь рвалось наружу. У всех было чувство свыше пришедшего обновления, если угодно — рождения в новую жизнь — притом дающего и новые задачи и новые силы. Все значение ПШЕРОВА в истории Движения тем именно определилось, что в переживании восторга и радости не было ничего чисто психологического, а наоборот, был действительно духовный подъем, как бы временное преобразование. Не только все участники съезда — старшие и младшие стали братьями и сестрами, не только взаимные отношения вдруг стали легкими, радостными, дорогими, но именно это сознание какой-то свыше данной благодатной радости, Богом завещанного в ней задания определило преданность Движению. Пшеров стал священным знаменем Движения, а не только сладостным воспоминанием, с Пшеровом связана в Движении его чистая и беспредельная преданность Церкви, его безмолвно, но твердо данное обещание отдать свою жизнь на службу Церкви. Как в акте венчания душевная связь двух людей в любви не только свидетельствуется перед Церковью и благословляется, но объективно сама становится малой Церковью — так в Пшерове исчезла тема «Мы и Церковь», и взамен ее родилось сознание, радостное и ответственное, «Мы в Церкви», мы прикоснулись к ее тайне, мы вобрали в себя эту тайну, мы обещались, мы хотим нести миру эту тайну о Церкви, это благое весть о ее силе и полноте, о ее жизни и радости. В Пшерове мы все как бы духовно рождались — это странное и, вероятно, неточное выражение все же дает намек и на то глубокое потрясение, которое пережили все, на тот перелом, который увел всех на новый путь жизни, и которое, вместе с тем, было не внешним обязательством, а горело в душе огнем светлого, скрепляющего вдохновения.

Удивительный финал, истинное осияние свыше благодатию св. Духа. Считаю и себя, и всех тех, что был на Пшеровском съезде, счастливыми, ибо его неопишуемая радость не может быть повторена. Конечно, как показала дальнейшая жизнь Движения, всякий, кто глубоко и от всего сердца входил в Движение, — переживал «свой Пшеров», приобщался к той неугасимой, горячей лампаде, которую возжег в сердцах наших в Пшерове Господь, но завет Пшерова, его живая мелодия, его непоколебимая отданность Церкви в любви и радости, живет в сердцах именно тех, кто пережил Пшеров⁶.

Чтобы мы могли почувствовать тот новый образ Церкви, который рождался в Пшерове из этого мистического откровения, я прочту фрагмент из доклада о. Сергия на Первом съезде РСХД Франции (не всего РСХД) в Анжероне в 1925 г. Это интересное время: движение только-только родилось, и вот каким ему видится это новое рождение. (К сожалению, это видение о. Сергия так во многом и осталось его видением: РСХД не сумело полностью реализовать данный ему дар... Но нас сейчас интересует не эта историческая неудача, а именно то, как видел и понимал изначальный духовный дар движения его основатель.)

Прежде всего, это «домашняя церковь», т.е. церковь как подлинно *духовный дом*, как пространство жизни. Но этот дом, это пространство жизни, данное в условиях крайней бездомности, потому и дано, и существует, и может существовать, и может быть увидено — лишь *эсхатологически*.

О. Сергий находит в этой «домашней церкви» новое основание вселенскости. Это вселенскость не иерархическая, не основанная на существовании единого иерархического центра, это — вселенскость первохристианская, раскрывающаяся в общении церковных общин, «домашних братств», и потому основанная на личностном измерении церкви; о. Сергий особо подчеркивает, что эти общины, обращаясь друг к другу, используют не титулы иерархов, а почти интимные имена возлюбленных Христовых:

Все вещи в мире можно и должно видеть на своем месте, где они предостоят нам в своем истинном значении и соотношениях; только тогда они прекрасны и красивы: безобразные развалины — когда они освещены заходящим солнцем или

осеребрены луной — и кажутся прекрасными и являют собою не мираж, не иллюзию, но подлинную истину о заключающейся в них красоте. Каждая точка есть для всего мироздания, ибо Бог ни одну точку мира не уничтожил, но почитл каждую из них печатью вселенскости. И себя мы также должны увидеть в истине о себе, на своем месте — единственном, неповторимом и вечном: ибо каждому из нас Бог дал это место в мире. Поэтому, прочь малодушие и сомнения: что мы делаем ничтожное дело, что мы бессильны, что где-то другие люди живут по-настоящему. Эти мысли кощунственны и богохульны, ибо всем нам Бог дал жизнь, на всех нас Он возложил обязанности, перед каждым из нас открыл великие возможности. И ничем мы не меньше, кроме веры только, тех первохристианских общин, о которых мы знаем как о золотом веке Христианства. Перечтите эти интимные тексты Посланий: «Приветствуют вас церковь в Вавилоне и Марк, сын мой», «приветствуют вас Тимофей и Луций, Иасон и Сосипатр», «приветствуют вас все братья, и дети сестры твоей избранной», «приветствуют тебя друзья; приветствуй друзей поименно», «приветствуйте друг друга лобзанием святым»... Разве не имеем и мы также семьи о Господе? Разве не приветствуют нас наши братья? Разве не целуют нас домашние церкви наши — и Пражская, и Парижская? Ведь и в первые века Христианства это были маленькие общинки, составленные из маленьких, а часто иногда ничтожных людей. Но их мы видим в истине — и потому они значительны для нас. И так же должны мы увидеть в истине и себя — для того, чтобы жить в ней, для того, чтобы сохранить себя, утвердить, укрепить и пребывать в истине и силе. <...>

На этом пути нет и не может быть непреодолимых препятствий; жить в Боге, нудить Царствие Божие может всякий и во всех условиях — и у станков, и в каменоломнях. ...Христиане-рабы первых веков... жили хуже, чем вы... и однако жили радостно, ибо каждый из них сознавал: «я не один, но Отец со мною». <...> Вы сами знаете, как трогательно, как значительно строительство этих местных церквей, даже в тех формах, в которых мы можем это делать. Наши более благополучные предки строили каменные храмы, наши богатеи вешали тысячецудовые колокола. И оборачиваясь назад — в сердце растет святая тревога: так мало, мизерно и бедно кажется все то, что делаем мы. Но это неверно: ибо даже стороннее объективное наблюдение открывает в нашей работе две стороны: ее внешнюю мизерность и ее внутреннюю значительность: о последней свидетельствует то, что, оборачиваясь к истории, мы находим себя, свой идеал и прототип не в старой русской церкви, не в миродержавном католичестве, а в первохристианстве и только в первохристианстве. Нам дано строить нашу домашнюю церковь, и за это великий дар и великую заботу — из сердца может рваться только благодарение, которое есть радость и молитва.

Поэтому нечего смущаться небольшими масштабами нашей работы. Срастание наших домашних братств уже рождает в нас мощь христианского мироощущения; но и до этого — надо помнить, что каждая точка мироздания есть центр вселенной; что все есть во всем. И что поэтому иноки, люди, уходящие в себя и инакие миру, в себе находят весь мир, ибо в их сердце звенит вся вселенная⁷.

Это удивительно: в этих действительно немощных общинках о. Сергей, совсем не наивный человек, виднейший мыслитель России, помощник самого патриарха Тихона, участник великого Московского собора, основатель богословского института и т.п., видит спасение церковной вселенной. Именно здесь для него жива сама вселенская Церковь! (Кстати: не случайно именно на съезде в Анжероне и было принято решение о создании Парижского богословского института.)

Но именно здесь, в этом новом, раннехристианском, эсхатологическом образе Церкви и происходит то воссоединение Востока и Запада, о котором он так мечтал! Здесь спасено православие, и здесь оно возвращается к себе, преодолевает свою конфессиональную ограниченность, становится новой колыбелью вселенской Церкви. Это удивительные слова, удивительное свидетельство:

Сейчас мы несем на себе ярмо «в рассеянии сущих»; но в нашей духовной жизни это тоже имеет свой смысл и свое значение: лет двадцать тому назад, мы, вероятно, осматривали бы этот замок-музей, в котором каждый уголок несет на себе печать прекрасной культуры старой Франции, с восхищением, может быть с самооплеванием — и во всяком случае с чувством пленения и связанности этим материальным и духовным богатством. Ведь это все элементы, из которых

Продолжение на с. 8

Материалы, размещенные на этом развороте, будут неполны без небольшой исторической и фактологической справки.

Мы уже много раз писали в нашей газете о миссии, ее сущности, ее проблемах, поэтому здесь нет необходимости лишних раз говорить о ней. Но лишь однажды, несколько лет назад, мы вскользь упоминали о контрмиссии — о стремлении жестко и формально определить все «истинно православное» и объявить войну всему, не вписывающемуся в эти границы. Вряд ли возможно определить дату возникновения этого явления — скорее всего, она близка к началу Константиновской эпохи. В нашей же стране контрмиссия впервые всерьез расцвела в церковной огаде после вступления в силу в 1905 году манифеста о веротерпимости. До манифеста преследование инаковерующих было прерогативой государства. Теперь же это дело стали брать на себя люди, которые по недоразумению числились в Российской церкви «миссионерами». Контрмиссионеры видели лишь одну возможность избежать опасностей своегоодного выбора: вновь обратиться к государственным методам контроля вопросов веры и совести.

Очень скоро их чаяния исполнились (хотя и не совсем так, как они того хотели), и исполнились радикально. За веру стали убивать и отправлять в лагеря. В том числе и за веру православную. Жизнь религиозных объединений встала под жесткий контроль тайной полиции, накопившей за семьдесят лет советской власти огромный опыт выявления и уничтожения верующих, в первую очередь тех, кто не удовлетворялся «отправлением культа», а делал из своей веры (какой бы она ни была) жизненные выводы.

После отмены антицерковных законов в жизни Русской православной церкви миссия заняла сравнительно скромное место (достаточно заметить, что в выступлениях некоторых иерархов это слово применялось лишь в отношении к протестантской миссии), о чем можно лишь глубоко и искренне сожалеть, ибо удивительный исторический шанс был безвозвратно упущен. Зато начала расцветать контрмиссия.

Современная контрмиссия под влиянием секуляризации, возраставшей в течение всего XX века, отчасти изменила свое содержание и методы. Сегодня она апеллирует к секулярным ценностям, и в полном согласии с недоброй памяти советскими «специалистами по религии» в первую очередь направляет свой удар на всех, кто готов к действительному изменению своей жизни в результате веры — будь то христиане или нехристиане, православные или последователи иных конфессий.

Сложилось огромное контрмиссионерское лобби, во многом парализующее любую попытку собиания миссионерских сил церкви, на любом более или менее представительном общецерковном форуме переводящее разговор о миссии в разговор о «духовной безопасности», которую следует защищать «в союзе с правоохранительными органами». Одним из наиболее активных и заметных деятелей этого лобби является Александр Дворкин, руководитель центра свт. Иринея Лионского. Именно им пущен в широкий оборот оценочный термин «секта» по отношению к любым новым религиозным движениям, а также к любым негодным движениям в христианском мире (которые глубокомысленно характеризуются как «псевдохристианская» или «псевдоправославная» секта). Показательно, что к членам и руководителям таких сект А. Дворкин может причислять в том числе и действующих священников Русской православной церкви.

Автор одного из опубликованных здесь писем, о. Александр Шабанов, работает не только в аппарате Тверской епархии, но также и в близко сотрудничающем с А. Дворкиным центре свт. Марка Эфесского. Нам кажется, что вне контекста смысл открытого письма о. Александра — человека, ранее неоднократно выступавшего против произведений и деятельности митр. Антония (Блума), прот. Александра Шмемана, свящ. Георгия Кочеткова — останется неясен.

К сожалению, газетная площадь не позволила нам опубликовать ответ Владимира Лавренова на адресованное ему письмо. После некоторого колебания мы решили предоставить ответное слово исповеднику веры прот. Павлу Адельгейму.

О ВЕЛИКОЙ ТРАДИЦИИ ИСПРАШИВАНИЯ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

Открытое письмо члену Боголюбского православного братства В.И. Лавренову в связи с презентацией в г. Твери книги прот. Александра Шмемана «Дневники 1973 – 1983»

Уважаемый Владимир Ильич!

В течение длительного времени в Твери наблюдается проведение ряда мероприятий, в которых Вы принимаете прямое участие или даже непосредственно ими руководите.

Во-первых, с Вашим именем связывается деятельность так называемого «Православного Боголюбского братства города Твери». Если Вы считаете себя православным человеком, являющимся членом Русской Православной Церкви, то Вы, естественно, должны принимать все положения канонического права, лежащего в основе церковной жизни. Как известно, действующий ныне Устав Русской Православной Церкви, принятый Освященным Юбилейным Архиерейским собором РПЦ в 2000 г., четко и определенно устанавливает в приводимых ниже пунктах XI.11-15, что:

— «Братства и сестричества создаются приходами только с согласия настоятеля и по благословению епархиального архиерея» (XI.11);

— «Братства и сестричества приступают к своей деятельности после благословения епархиального архиерея» (XI.12);

— «Братства и сестричества в своей религиозной, административно-финансовой и хозяйственной деятельности через настоятелей приходов подчинены и подотчетны епархиальным архиереям. Братства и сестричества исполняют решения епархиальной власти и настоятелей приходов» (XI.15).

В случае же, если эти канонические ограничения кажутся руководству некоего братства слишком стесняющими свободу и независимость деятельности, то сам собой напрашивается вывод о том, что лидеры данного братства не видят себя в рамках иерархической структуры и юрисдикции Русской Православной Церкви. Однако, в этом случае надо иметь в виду, что выход братства из таковых лишает его «права на использование в наименовании названия и символики Русской Православной Церкви» (п.XI.17).

Остановимся в этой связи на двух моментах деятельности упомянутого «Боголюбского братства». В прошлом году оно напомнило о себе выходом сборника по истории братства, составленного В.И.Лавреновым, В.А.Ларионовым и В.Н.Рыжиковым. Познакомиться с ним епархиальным кругам до сих пор не удалось. Это само по себе странно для любого православного из-

дания. Остается предположить, что на его издание не было получено благословения священноначалия. Стоит ли говорить, что для книги, задуманной как история одного из православных братств, это, по меньшей мере, удивительно и свидетельствует о недостаточной воцерковленности ее составителей. Согласитесь, что в Вашем случае, Владимир Ильич, речь едва ли может идти о простой неосведомленности.

Вторым моментом, послужившим непосредственным поводом для обращения к Вам с этим увещанием, стало проведение Вами 12 марта с. г. публичного городского мероприятия. Речь идет о презентации книги протоиерея Александра Шмемана «Дневники 1973-1983» (М.: Русский путь, 2005). Организаторами презентации выступили Тверская областная библиотека имени А. М. Горького, Управление по воспитательной работе со студентами Тверского государственного университета, Культурно-просветительный центр «Сретение», «Православное Боголюбское братство города Твери». Вы, имеющий прямое отношение, как минимум, к двум из соорганизаторов, были и ведущим данного мероприятия.

Ссылка на светский характер этой презентации, якобы делающий необязательным получение благословения на ее проведение, прозвучавшая перед началом презентации в ходе нашей с Вами беседы, на мой взгляд, несостоятельна. Ограничимся одним примером, красноречиво показывающим разницу между соответствием и несоответствием духу православной практики. Когда в Тверь весной 2003 г. приезжал московский пи-

сатель и историк Виталий Гузанов, чтобы в рамках Михайловских воскресных чтений провести презентацию первой части своей трилогии о святителе Николае Японском, несмотря на то, что сами Михайловские чтения, проводимые Миссионерским отделом Тверской епархии и Администрацией города Твери, изначально идут по благословению Архиепископа Тверского и Кашинского Виктора, автор презентируемой книги как подлинно православный человек совершил свой приезд в Тверь и выступление на презентации, лишь испросив предварительного благословения правящего архиерея.

Необходимость испрашивания благословения перед всяким значащим делом — естественная потребность всякого православного человека, основанная на давней исторической традиции церковной жизни, незыблемо зафиксированной в Книге Правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных и святых отец, являющейся фундаментом канонического права Русской Православной Церкви. Напомним, что 8-е правило IV Вселенского собора подразумевает пребывание православного люда «по преданию святых отец, под властью епископов каждого града, и да не исторгаются, по дерзости, из-под управления епископа. А дерзающие нарушати сие постановление, каким бы то ни было образом, и не подчиняющиеся своему епископу, аще будут ... миряне будут отлучены от общения церковного».

Надеюсь, что у Вас как просвещенного в церковной проблематике человека не возникнет сомнений относи-

тельно того, сохраняет ли донныне свою силу это давнее соборное правило, иначе стоило бы привести по этому поводу 2-е правило VI Вселенского собора, в частности, гласящее: «Никому да не будет позволено вышеозначенные правила изменяти, или отменяти, или, кроме предложенных правил, приимати другие, с подложными надписаниями составленные некими людьми, дерзнувшими кормествовать истинною».

Помимо Священного Предания о важности благословения свидетельствует уже Священное Писание Ветхого Завета: «И сказал господь Моисею, говоря: скажи Аарону и сынам его: так благословляйте сынов Израилевых, говоря им: да благословит тебя Господь и сохранит тебя! да призовет на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя! да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир! Так пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я (Господь) благословлю их» (Числа, 6, 22-27). Впоследствии о непреходящем значении благословения говорит и то место в Священном Писании Нового Завета, где рассказывается о Вознесении Господа нашего Иисуса Христа, который в этот завершающий миг Своего земного служения благословил апостолов: «И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И, когда, благословлял их, стал отделяться от них и возноситься на небо» (Лука, 24, 50-51). Получившие благословение от Господа апостолы затем благословляли на служение апостольских мужей, а те — епископов древней Церкви. Вот на какую великую традицию замахиваются те, кто без должного пиетета относятся к испрашиванию благословения от правящего архиерея.

Полагаю, что Вам есть над чем задуматься. Перед Вами сейчас два пути. Один требует сил критически взглянуть на свою деятельность последних лет в плане ее соответствия духу пребывания в церковной полноте и внести в Вашу деятельность необходимые коррективы. Второй путь — упорствование в своем заблуждении и продолжающееся неповиновение Владыке. Итог этого тупикового пути — предусмотренное церковными канонами отлучение от церковного общения.

18 марта 2006 г.
Председатель Миссионерского
отдела Тверской епархии
протоиерей Александр ШАБАНОВ

В.Д. Поленов. Повинен смерти.

БЛАГОДАТНЫЙ СМЫСЛ СЛОВА «БЛАГОСЛОВЕНИЕ» СЛЕДУЕТ РАЗЛИЧАТЬ ОТ ДИСЦИПЛИНАРНОГО

Ответ Председателю Миссионерского отдела Тверской епархии протоиерею Александру Шабанову на его открытое письмо

Уважаемый о. Александр!

В своём «Открытом письме», появившемся на сайте Тверской епархии, Вы обратились к В.И. Лавренову с неадекватными обвинениями: «замахиваетесь на великую традицию», «упорствуете в заблуждении», «неповиновение владыке» и угрозой «отлучения от церковного общения». Причиной таких «сильных» выражений послужила общественная инициатива В.И. Лавренова, привлекая общественное внимание Твери к историческим и богословским книгам. Одна из них, согласно Вашему сообщению, принадлежит почившему православному богослову о. Александру Шмеману: «Речь идет о презентации книги протоиерея Александра Шмемана «Дневники 1973-1983» М.: Русский путь, 2005» («Откр. Письмо»). Эта книга действительно вызвала большой интерес читателей в России, Европе и Америке. Многим она понравилась. На днях её обсудили и положительно оценили в Издательском отделе Московско-Патриархии.

Конечно, инициатива христианского просвещения должна принадлежать правящему архиерею и миссионерскому отделу. Если надлежащие лица такой инициативой не озабочены, следует выразить благодарность В.И. Лавренову за его заботу, а не метать громы и молнии. «Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою». «Мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему; потому что он не ходит с нами. Иисус сказал им: не запрещайте; ибо кто не против вас, тот за вас» (Мф.9, 37-38; Лк.9, 49-50). Ваши обвинения не только высказаны, но обоснованы недобросовестными натяжками, каверзами и лукавством. Демагогия не делает чести полемике и унижает авторитет Церкви, от имени которой Вы «держите корчемствовати истиной» («Откр. Письмо»).

Суть Ваших требований понятна: христиан обязан спрашивать разрешения епископа на всякий поступок и на всякое суждение. Без разрешения епископа никто «не должен сметь своё суждение иметь» под страхом анафемы. Такое требование ставит под контроль епархиального управления образ мыслей и образ жизни клириков и мирян, вводит цензуру церковной власти над общественной мыслью и унифицирует её. Поскольку Ваши требования лишены границ и не оставляют места личной свободе, контроль становится тотальным. Оскопляя веру Христову, Вы превращаете её в корпоративную идеологию, которая 70 лет душила свободу веры, мысли и творчества в нашем Отечестве. Это Ваша личная позиция. Она не может претендовать на общецерковное значение. Нет и не может быть канонов, запрещающих христианскую инициативу и свободу в общественной жизни.

Церковь допускает противоположную позицию: «Вся моя жизнь с молодых лет и по сей день обусловлена любовью к Святой Церкви. Церковь должна занять в жизни центральное место. Церковь в нас и вне нас. Все сферы человеческого существования и деятельности должны найти в ней своё освящение. Каноническая структура Церкви лишь форма организации её земного существования... В сферу церковного управления и церковной жизни проникли бюрократические начала, они-то и угасали горение духа, замораживали живые её силы...Проявлялся дух мирской демагогии вместо духа соборности... В рамках церковных догматов и канонов свобода Церкви есть основная стихия, голос Божий, звучащий в ней: мож-

но ли его связывать, заглушать? Внешняя связанность и подавление этого голоса ведёт к духовному рабству. В церковной жизни появляется боязнь свободы слова, мысли, духовного творчества, наблюдается уклон к фарисейскому законничеству, к культу формы и буквы, — всё это признаки увядшей церковной свободы и рабства, а Церковь Христова — существо, полное жизни, вечно юное, цветущее, плодоносящее...Вне церковной свободы нет ни живой церковной жизни, ни доброго пастырства». (Митр. Евлогий Георгиевский «Путь моей жизни» М, 1994. С. 595, 596, 597, 603).

Инициатива В.И. Лавренова задела Ваш пиетет перед епархиальной этикой, естественный для епархиального чиновника. Ваш упрек несправедлив. В.И. Лавренов, не служит в епархиальном управлении, не знаком с принятыми там формами чинопочитания и не обязан считать их общеобязательными.

Возможно, Вы хотели поставить принципиальную проблему о пределах архиерейской власти? Эта проблема выходит за пределы частного обсуждения и нуждается не в дисциплинарном окрике, а в общецерковной оценке. Поднимая эту проблему, необходимо определить церковные основания для оценок, а также исторический материал, который поможет увидеть неизбежные заблуждения человеческих мыслей и страстей, сохранённые церковным опытом для предостережения от ошибок. Первоисточником догматов и канонов Церкви являются Священное Писание и Предание. Они являлись основой творчества святых Отцов и Вселенских соборов. С них и следует начать рассмотрение вопроса о пределах архиерейской власти, чтобы не отменить заповедь Божию человеческими суждениями той или иной эпохи (Мф.15, 3; Мк.7, 6-8).

Никто не оспаривает власть, данную Господом Иисусом Христом Его апостолам и воспринятую епископами в их иерархическом служении. Никто не оспаривает конкретных требований церковной дисциплины, без которых никакое общество не может существовать. Возражение вызывает злоупотребление административной властью, которое Вы предлагаете распространить за указанные Богом пределы. Свободу христиан в Церкви защищают Заповеди Божии и канонические правила, в их церковном понимании, а не в искажённой форме, которую им придаёт Ваше корыстное истолкование.

Пример 1: Вы необоснованно упрекаете В.И. Лавренова в нарушение 8 канона IV Вселенского собора. В каноне речь идёт о «клириках при богадельнях и монастырях», к которым он не принадлежит. «А каким образом рассуждая о клириках, правило упомянуло о мирянах?» - обоснованно спрашивает авторитетный канонист Зонара. И объясняет: «клирики не сами по себе осмеливаются бесстыдно восставать против архиереев, ...а по влиянию сильных людей... Таких-то мирян правило подвергает отлучению». (Правила святых Всел. Соборов. М.1877 стр.178-179). Обвинять В.И. Лавренова в подобных поступках у Вас нет оснований.

Пример 2: Нарушение Устава РПЦ Гл. 11, ст. 11-13 не может иметь места там, где не существует самой структуры, формально зарегистрированной в юрисдикции Тверской епархии. Ваши примеры недобросовестны. Они рассчитаны на неосведомлённых лиц, которые не знакомы с документами и существом дела. Манипулировать канонами и вводить в заблуждение народ Божий, грех.

Пример 3: Термин «благословение» имеет два значения: 1. *освящение Именем Божиим как благодатный дар*. 2. *бюрократическое разрешение или запрещение исполнительной власти*. К какому из этих значений Вы относите «пиетет благословения правящего архиерея»?

Приводя тексты из Ветхого и Нового Завета, вы доказываете традицию благословения в первом значении термина. «Благословить» означает перекрестить, осенить крестным знамением, призвать Имя Божие: «пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я благословлю их» (Числа, 6, 27). «подняв руки Свои, благословил их. И, когда, благословлял их, стал отделяться от них и возноситься на небо» (Лука, 24, 50-51). Это церковная традиция. Но В.И. Лавренова Вы укоряете за инициативу, проявленную без разрешения архиерея. Термин «благословение» Вы употребляете во втором значении, подтасовывая под понятие «благословения» как молитвы, другое значение — «благословение», как бюрократическую санкцию исполнительной власти. Благодатный смысл слова смешиваете с его дисциплинарным или санкционирующим значением «разрешаю - запрещаю».

Пример 4: «упорствование в своем заблуждении и продолжающееся неповиновение Владыке». Обвиняя В.И. Лавренова в неподчинении епископу, Вы передёргиваете: «не спросить разрешения» не означает «нарушить запрет».

Возвращаясь к существу поставленной Вами проблемы. О своей власти Господь свидетельствует: «дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф.28, 18). Это власть Бога, и никакой архиерей не может претендовать на власть в подобном объёме. Господь полагает иногда пределы даже Своей власти: «кто поставил Меня судить или делить вас?» (Лк.12,14). В истории Церкви известен соблазн считать епископа равным Богу. Он нашёл своё отражение в «Постановлениях Апостольских» 2, 26. По словам проф. М.Э. Поснова «система епархиального папизма нашла полное закрепление в Дидаскалии, памятнике третьего века, испорченном интерполяциями: «Епископ — могущественный царь для вас; он, управляя вместо Бога, должен почитаться вами как Бог, ибо епископ председательствует у вас на месте Бога... благоговейте перед ним и воздавайте ему всяческие почести...епископ властвует над душой и телом» (История Христ. Церкви. Брюссель, 1964.с.123). Трулльский собор осудил такой взгляд на епископа: «онные Климентовы постановления благорассмотрительно отложили, отнюдь не допуская порождений еретического зловесия и не вмешивая их в чистое и совершенное апостольское учение».

2). Наделяя учеников властью, Господь указывает её границы: «дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф.10, 1). Это конкретная власть над тёмными силами и физической природой. «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф.18,18). Из контекста очевидны нравственные пределы власти, которую Господь даёт Церкви.

Никому не предоставлял Господь власть над личностью человека, его совестью и свободой. Господь позволил в Церкви единственную власть — любви. Всякая иная власть не имеет церковной природы. «Князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет всем слугой; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом. Так как Сын Человеческий не для

того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф.20, 25-28). Вот образ и основание пастырской власти.

Устав ограничивает пределы власти епископа 1. территорией епархии, 2. временем служения и 3. сферой применения. С этими ограничениями следует считаться. «Архиереи пользуются всей полнотой иерархической власти в делах вероучения, священнодействия и пастырства» (Устав.гл.10,ст.11. Подчёркнуто мной, свящ. П.) Мнение епископа, никогда не рассматривалось Церковью в качестве источника истины. Его вероучительная власть выражается в контроле за соответствием конкретных суждений вероучительным определениям Церкви. Каноническая власть епископа имеет своими пределами канонические нормы, в верности которым присягает каждый епископ перед своей хиротонией. Несомненна сакральная и нравственная власть епископа связывать и разрешать грехи. Христос обозначил объём пастырской власти: «Пастырь добрый душу свою полагает за овец. Он зовет своих овец по имени и выводит их. Я пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Жизнь Мою полагаю за овец» (Ин.10, 3-15). Посвятельность на иные сферы власти не имеет оснований ни в канонах, ни в Священном Писании.

Современное значение епископа в местной Церкви принципиально отличается от положения епископа в древней Церкви. В древности местная Церковь принимала участие в избрании епископа. Отправляясь на собор, епископ знал повестку дня, обсуждал её со своей Церковью и мог на соборе говорить от имени местной церкви. Современный епископ не избирается местной церковью, а назначается центральной властью, которая игнорирует епархиальное мнение. Отправляясь на Собор, епископ не спрашивает мнения клириков и мирян и потому представляет не епархию, а себя. Возвращаясь в епархию, он привозит соборные решения не для обсуждения, а для исполнения. Помимо богослужения епископ не общается с народом Божиим. Раз в год собирается епархиальное собрание, которое по Уставу должно осуществлять общение, но мирян на епархиальное собрание не допускают. Других встреч не бывает. Епископ не проявляет инициативы в общении с мирянами, и оно угасло. Епархия живёт замкнутой жизнью, сама по себе, а миряне предоставлены сами себе. Это не сообщающиеся сосуды. Жажда общения мирян остаётся не утолённой. Клирики и миряне одинаково лишены голоса и участия в церковной жизни епархии. От них требуется только подчинение дисциплине. Призрак Великого Инквизитора обретает плоть, когда благодатная власть в Церкви подменяется дисциплинарной властью. Можно ли во имя этикета препятствовать проповеди Еммауских путников, у которых «горело сердце, когда Он говорил с ними на пути и сказывал им Писание?» (Лк.24,32).

Закончу свидетельством апостола о подлинном призвании христианина: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угодению плоти; но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: «любите ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19,18; Гал. 5, 13-14). Понимая Ваше зависимое положение, не хочу Вас обидеть, но церковную правду мы обязаны свидетельствовать. Храни Вас Бог.

Псковской епархии
свящ. Павел АДЕЛЬГЕЙМ
4 апреля 2006 г.

ДОМ НЕБЕСНЫЙ

Продолжение. Начало на с. 1, 4-5.

спалось наше западничество. Но противоположное ему настроение тоже не было бы преодолением проблемы; ибо мысль о том, что все, что чуждо нам, опасно, соблазнительно и враждебно, говорит о том же рабстве, только взятом с другой стороны. Но теперь мы его действительно преодолели; ибо мы посмотрели на всю эту красоту с добрым чувством и спокойно вернулись к своим очередным делам. Мы встретились с Европой на равной почве, ибо мы уже не смущаемся перед нею, чувствуя свое достоинство, — и это чувство приобретено нами за последние годы. Оба наши направления — западничество и славянофильство — рождались из ложного и недопущенного пафоса расстояния между православной Россией и Европой. Но теперь мы знаем, что есть почва, на которой мы можем встретиться, как равные, — как разные ветви одного и того же христианского дерева. И здесь, за границей, мы обрели такую свободу и вместе с тем такие связи, которые нам трудно сейчас даже понять и оценить. Но то же самое происходит и в России. Ибо в нашем сознании сейчас звучат струны не только русского, но и общеевропейского христианского сердца. Правда, почва эта трудна, путь по ней полон препятствий, но мы не можем и не смеем забыть, что эта земля в течение целого тысячелетия жила и дышала общей церковью и что это единство как-то чувствуется и сознается нами теперь в нашей братской любви к христианами Запада. Православие же мы можем мыслить только как вселенское: и подвиг его обращен первым долгом на себя самого, затем на родину и, наконец, — на всех людей, среди которых мы живем, на весь мир. Здесь вскрывается внутренняя связь между тем убожеством, какое мы собою являем, и тем величием, к которому мы грядем. Ибо высшая предельная цель наша есть задача вселенского оцерковления⁸.

Этот текст о. Сергия хочется читать целиком — он везде одинаковой силы...

Что я хочу сказать? Мне кажется, что если мы сейчас где-то находим явление Человека, находим личную свободу, свободу христианина, если мы сейчас где-то находим явление Церкви, если мы сейчас где-то видим выход из тех тупиков, в которые загоняет человека мир сей, — то только лишь там, где мы находим верность вот этому эсхатологическому опыту первой половины XX века... Не случайно Сергей Сергеевич Аверинцев любил повторять строки Мандельштама: «Всех живущих прижизненный друг». Думаю, что исток и его личной свободы, которая, действительно, в советское время была уникальна, выливаясь в особое свидетельство, — именно в верности этому эсхатологическому настрою. И если мы все-таки где-то находим в церкви способность противостоять злу, то она вытекает из этого эсхатологического видения Церкви, которое во многом главным образом было обречено в те 1920—1930-е годы и в эмиграции, но и здесь тоже, хотя и по-иному, конечно.

Мне кажется также, что если мы сами по-прежнему чувствуем свое бессилие перед злом, то только потому, что взяли из нашей истории все, кроме вот этого. Мы вроде бы понимаем, что противостояние злу — это эсхатологическая задача, но как к этому эсхатологическому чувству приобщиться, — этого мы не то что не знаем, мы почти об этом не думаем, мы не стремимся познать тот добытый для нас кровью — кровью сердца и простой человеческой кровью — опыт, не стремимся им жить, не стремимся к тому, чтобы он был среди нас — в нашем сердце, в нашей церкви и в нашей жизни — личной, церковной, какой угодно.

Семен ЗАЙДЕНБЕРГ

Доклад прочитан на Международной научно-богословской конференции «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе», которая проходила 28-30 сентября 2006 г. в Москве. Среди учредителей выступил Свято-Филаретовский православно-христианский институт.

¹ Седакова О. Поэзия и антропология // Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 116.

² Бродский И. Размышления об исчадии ада // Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 2001. Т. 7. С. 77–80.

³ Булгаков С., прот. Константинопольский дневник. 10(23).1.1923 // Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 132.

⁴ Там же. 26 марта 1923 г. Пасха Христова. С. 164.

⁵ Там же. 31.I (13.II).1923 г. С. 143–144.

⁶ Зеньковский В.В. Зарождение Р.С.Х.Д. в эмиграции (Из истории русских религиозных течений в эмиграции) // Вестник РХД. 1993. ² 168. С. 29–31.

⁷ I съезд РСХД во Франции (Аржерон, июль 1925 г.). Доклад о. Сергия Булгакова и прения по нему // Вестник РСХД. 1998. ² 178. С. 90–93.

⁸ Там же. С. 94–96.

МЫ ЧТИМ ПАМЯТЬ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ, НО ИХ ДЕЛО ПРОДОЛЖАЕМ, В СУЩНОСТИ, ФОРМАЛЬНО

Интервью протоиерея Александра Борисова

Отец Александр, какова должна быть, на Ваш взгляд, концептуальная основа перевода (что должно быть сохранено, что выделяется как главное и т.д.)?

Протоиерей Александр Борисов: Мне кажется, что в основе должен быть тот же принцип, который был положен учителями словенскими Кириллом и Мефодием: чтобы язык был понятен тем, кому проповедуется Евангелие. Понятен нашему, в данном случае русскому, населению. Ведь получается, по-моему, парадоксальная ситуация: мы чтим память Кирилла и Мефодия, но их дело продолжаем, в сущности, формально, стараемся сохранить тот церковно-славянский язык, который существовал в девятнадцатом веке. При этом надо сказать, что уже в девятнадцатом веке в нашей церкви, конечно, был совсем не тот язык, который был при Кирилле и Мефодии. Древние переводы многократно подвергались редакциям, изменениям, русификации. Я сам видел книги, которые были изданы в восемнадцатом веке, и там были некоторые слова, которые в наше время звучат неприлично, и они были заменены на слова более, так сказать, благозвучные. Так что полагать, что мы сохраняем какой-то особый древний язык, это, конечно, иллюзия.

Другое дело, что наша церковь представляет собой многомиллионный организм, и, конечно, в нем есть разные люди с разными культурными предпочтениями, и для кого-то церковно-славянский язык особенно близок и дорог, потому что человек на нем научился молиться, на нем научился понимать слово Божье. Поэтому я думаю, что здесь должен быть какой-то плюрализм. Скажем, в монастырях и в приходах, которые это предпочитают, могут служить только на церковно-славянском языке, как оно есть сейчас, а какие-то приходы могли бы, с благословения священноначалия, пользоваться другим текстом.

И вот здесь, я думаю, должен доминировать принцип не перевода, а русификации, потому что, на самом деле, бывает немного странно, когда слышишь русский перевод слов, скажем, богослужебных молитв, которые совершенно понятны и на церковно-славянском. Здесь как бы нет такой необходимости. Цель одна — чтобы текст был понятен тем, кто его слушает. Так что, если останутся некоторые архаичные древние слова, это не страшно: мы же оставляем слово «аллилуйя», мы же не заменяем его. Мы оставляем слово «аминь», тоже древнееврейское слово, мы его не заменяем, оно всем нам понятно. Хотя, скажем, со словами «живот» — «жизнь» у меня связано такое впечатление, что когда речь идет о «животе», то это что-то абстрактное, далекое, а когда речь идет о нашей жизни, это то, что происходит с нами каждый день, то, чем мы живем, и это мы Христу Богу предадим.

Так что я думаю, что две основные задачи — это понятность языка и, принцип не перевода все-таки, а русификации, с тем, чтобы церковный язык сохранил какие-то свои особенности. Думаю, что для большинства верующих это будет более приемлемо, чем полный перевод.

В церковно-славянском варианте богослужебных текстов присутствует ритм, он определенным образом гармонизирован. Думали ли Вы об основах гармонизации перевода?

О. Александр: Конечно, ритм хорошо бы сохранять. Всегда можно находить соответствующие слова. Я делал, например, перевод утренних и вечерних молитв, мы издаем их русифицированный текст параллельно с церковно-славянским текстом. И я старался, чтобы ритмика сохранялась. Не знаю, насколько мне это удалось, но многие из тех, кто пользуется этими текстами, говорят, что удалось вполне. Хотя, конечно, тут могут быть разные суж-

дения. Но, поскольку дается параллельный церковно-славянский текст, то человек всегда может пользоваться таким изданием и как справочником, если встретит непонятное слово.

Какая форма обсуждения вариантов перевода богослужебных текстов, по Вашему мнению, является наиболее адекватной?

О. Александр: Это вопрос, конечно, очень трудный. Как всей церковью это обсуждать? Ведь при обсуждении любой проблемы невозможно прийти к какому-то решению, если ее обсуждает слишком большое число людей. Я думаю, что здесь, наверное, нужно, во-первых, исходить из того, что могут быть разные степени русификации. Вполне представимо существование, скажем, двух-трех вариантов: богослужение как есть, целиком на церковно-славянском языке; русифицированное богослужение; и, наконец, миссионерские службы, рассчитанные на детей, на людей, которые впервые переступают порог храма, на заключенных, которые сидят в тюрьме и т.д. Исходя из этих двух-трех вариантов уже, соответственно, выбираются переводы. Можно рассматривать те переводы, которые уже сделаны, например, перевод владыки Ионафана, который Вы упомянули. Конечно, важно, чтобы сохранялось многообразие. Чтобы ничто ни в коем случае не навязывалось, чтобы служили по русифицированным текстам те приходы, которые готовы к этому, которые сами просили на это благословение. И сама жизнь что-то нам покажет. Я думаю, что некое многообразие форм вполне допустимо в рамках многомиллионного организма Русской православной церкви. Но, это, конечно, мое мнение, священноначалие может смотреть на это дело иначе. Мой голос — голос рядового священника.

Каким Вы видите будущее православной церкви в контексте языковых изменений в богослужении?

О. Александр: Я вижу несколько — два-три — допущенных с благословения священноначалия вариантов. Церковно-славянский язык, скажем, в монастырях или в таких приходах, которые это выбирают, вариант русифицированный и вариант миссионерский для детей, для молодежи, для служения в тюрьмах, в каких-то походных условиях — там, где это будет сочтено возможным и благословлено.

Собственно, язык всегда развивается, любой язык — и литературный, и разговорный. Если мы сравним язык семнадцатого века и язык Пушкина, то это — разные языки. Именно гений Пушкина дает язык девятнадцатому веку. Язык Толстого, язык Тургенева, Горького, Чехова — это уже двадцатый век. Сейчас — другой язык. Поэтому и церковь наверное, должна, сохраняя что-то как безусловно незыблемое, тем не менее допускать, какие-то новые формы, учитывая потребность тех, кому мы проповедуем Евангелие. В этом убеждает пример проповедников — Николая Японского, Стефана Пермского, Германа Аляскинского — они же переводили на местные языки. Наша задача проще — нам не надо переводить все на русский язык, потому что церковно-славянский все-таки достаточно близок к нему, и поэтому вполне достаточно русификации путем замены малопонятных слов.

Беседовали Виктория Волкова и Илья Пральников

Дорогие читатели!

Подписаться на газету «Кифа» можно в редакции.

Тел. для справок 8-916-114-67-37,

e-mail: o_olga@mail.ru (Ольга Орлова)

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомыно (ул. Ни-

колаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в **Санкт-Петербурге:** в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в **Париже:** в магазине «YMCA-Press» (11, Rue de la Montagne Ste Genevieve).

Телефоны распространителей:

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-4822-50-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина
(Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Марсеев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (495) 623-03-80

e-mail: kifa@list.ru

Тираж 1300 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.